

Мусор философского дискурса

Со времен Джона Локка принято считать, что между философами и мусорщиками есть много общего. Посвятившие себя абстрактному размышлению о вещах, касающихся каждого настолько близко, что их нельзя разглядеть ни в один микроскоп, классифицируют способы человеческого заблуждения, просеивают тонны мусора в грязной реке людского сомнения ради крупниц истины, распыляемых затем по сводам философских систем в качестве основных интуиций и основополагающих тезисов. Философы убирали отходы общежития веками, свозили их в особое царство и там с удовольствием изучали. Но вот пришло время, и некоторые из них заметили, что метод, предмет и объект философии настолько сроднились между собой, что само царство мысли стало неотличимо от помойки. И тогда горячие головы провозгласили концы философии разного толка, толки о которых не умолкают до сих пор.

Мы, выросшие на этой земле и из того, из чего нам пришлось вырасти, облепленные содержанием современной философии с ног до головы, хотим отказаться хотя бы от формы её — этого бесцельного коллекционирования и составления поделок из самых необычных вещиц, найденных среди необозримых груд мысли. Механическое перебирание хлама должно заменить анализом, дивление на любопытные штуковины — аргументацией и доказательством их пользы или ненужности. Ходят слухи, что методы эти даже кем-то успешно применяются где-то там, за седьмой кучей.

Чтобы прояснить, от чего именно мы хотим отказаться, мы составили список принципов, характеризующих бытующий тип философствования, активно используя сами эти принципы — отчасти для иллюстрации, отчасти потому, что описывать данный предмет, не пользуясь его языком, попросту не представляется возможным, отчасти же потому, что мы, протестующие, сами ещё не свободны от этих принципов насколько, как нам бы хотелось. По сути, предложенное ниже является феноменологией философской среды, в которой нам довелось расти и учиться. Мы глубоко бла-

годарны учителям, но, как замечал Ницше (вот, кстати, следование одному из нижеизложенных принципов), плох тот ученик, который не предал забвению заветы наставника. Но нельзя исключать и возможности того, что мы просто плохо учились и ничего не поняли.

1. Принцип перемигивания

История философии рисуется как галерея статуй великих философов. В пантеон попадают снискавшие славу в современной академии умы, круг которых довольно ограничен: Делез, Деррида, Хайдеггер, Ницше, Витгенштейн, Кант, Фуко, Платон, Жижек. Застывшие в вечности, статуи посылают друг другу странные тавтологические сигналы, в которых лишь невежды находят какие-то глубины смыслов. Люди же грамотные, зарабатывающие философией, обычно призывают отринуть этот смысл ради самой философии, то есть перемигивания. На практике оно выгладит как свободное творческое скольжение по поверхности отсылок, которые, в итоге, ни к чему не отправляют. Обычно они подаются наряженными в обороты «а эту проблему, знаете ли, очень остро чувствовал Хайдеггер, да...»; «об этом уже очень трудно говорить после того, что сделал Витгенштейн...»; «а потом пришел Фуко...»; «а вот это, кстати, — посмотрите-ка его работу — отлично понимал старик Кант / Гуссерль / Мерло-Понти / другое (нужное подчеркнуть)...» Причем не важно, что именно чувствовалось одному и какое значение имеют его переживания, что конкретно сделал другой и сделал ли он вообще что-либо стоящее, в чем, собственно, состоит понимание некоего старика и каковы были его аргументы — главное красиво сделать отсылку и, многозначительно шурясь, покачать головой.

2. Комментирование без комментария

При полном забвении жанра комментария в современной философии (исключительным приме-

ром обратного является анализ «Идей» Гуссерля Н.В. Мотрошиловой), комментирование продолжает быть востребованным. В моде — избыливающий аналогиями вольный пересказ новинок франко- и англоязычной мысли. Подобная мода, сама по себе необходимая, универсализируясь на отечественной почве, приводит к тому, что наши философы попросту не читают и не знают друг друга. «В Питере там кто-то, кажется, издал монографию по вашей теме — не помню фамилии... Но вот в Лилле пару лет назад, знаете ли, вышла так и не переведенная у нас, к сожалению, статья Пьера Машрэ — а он, как вы помните, учился у Луи Альтюссера и Жоржа Кангилема — статья, конечно, про Спинозу, но там есть одно интересное место... Машрэ, знаете ли, очень тонко чувствует...» А изданные в России работы пылятся в книжных магазинах — и это несмотря на действительный спрос на философию среди думающих людей и длительную академическую традицию обучения всего студенчества основам философского знания.

3. Риторика вместо проблемного анализа

Вместо того чтобы изменить или хотя бы понять мир, предлагается о нем поговорить или, что еще лучше, повообразить. Такое размышление питается случайной мыслью, а не постановкой и решением проблем, найденных в истории философии или в обыденной и научной практике. Целью становится изобретение какой-нибудь новой метафоры или принципов (см. метафоры и принципы данной статьи), нового взгляда на старые материи. Над принципом этим гордо реют знамена «беспредметной философии», а сам он проявляется обычно через припоминание того, кто как думал о чем-то там в прошлом, и сводится к простой констатации наличия различных подходов, не утруждая анализом их эффективности. Учитывая специфику предмета, использование этого принципа делает любой спор приятным и легким занятием: ты вспоминаешь один подход, я — другой, мы перемигиваемся, и все мило и прилично. Различие мыслителей, исповедующих этот принцип, и философов, которые поминаются благодаря ему всеу, синонимично юмовскому различию легких и тяжелых философов, знаете ли, да...

4. Имитация бурной деятельности

В лексиконе современных философов вы часто встретите слова, намекающие на масштабную титаническую работу мысли, совершаемую с диким скрежетом умственной машинерии. Наши философы кладут мысль на верстак, запускают когнитивные механизмы, совершают делания, оперируют жестами, меняют установки, работают в режимах тонких различений, проводят мысленные операции, делают ходы, осуществляют демарши... Порой

такие заводы производят концепты, продуцируют смыслы и оптики. На поточное производство уже поставлены вопросы — этикие кованые замки больших или меньших размеров, использующиеся исключительно для того, чтобы бить ими по голове конкурентов. Правда, в отсутствие спроса, производство ключей к ним признано нецелесообразным. Говорят, некоторые западные предприятия производят повороты — уже в массовом порядке. Тут отстаём.

Есть и другой способ осторожно показать, что вы что-то делаете, чтобы никто при этом не догадался, что именно, — через метафору тайного ордена. Философия при этом мыслится как некая мистическая практика, связанная с разными заговорами, тайнами, посвящением, отношением учитель-ученик и прочим чарующим фентези. Порой напускная таинственность рождает уважение, и даже признание.

5. Метафизика как жизненная позиция

Студент-философ, если он желает проникнуть в тайны пантеона и новой философской софистики, должен совершить трансцендентальный синтез философа и его философии (что бы это ни значило). Предлагается «некоторым образом» взрастить в себе философскую позицию, мировоззрение, особый взгляд на мир. При этом считается, что чем сильнее это самонаведённое мировидение корёжит адекватное восприятие реальности, тем более оно философское. По-хорошему, настоящий философ должен всё делать иначе: иначе смотреть на мир, думать иначе, говорить на ином языке. Вопрос «Зачем?» при этом, естественно, считается неуместным. Более того, непрактичность данного принципа даже возводится в достоинство. Поскольку хоть как-то функционировать обладателю философского мировоззрения оказывается жизненно небезопасно, идеалом становится мыслитель, который всецело погружен лишь в то, что иначе мыслит чистую мысль, мысля при этом то, как он по-другому мыслит и т.д. Такой философ обычно страдает одиночеством, затекшими конечностями и синдромом непризнанной гениальности. Лёжа на старом диване, неприкаянный и непонятый, в вечной недооцененности философской глубины своих дум, пронизанный стрелами собственной ненужности, без учеников, один на один со страшным пантеоном, он почитывает Делеза и думает о нём и о том, как он иначе о нём думает. И не курит.

6. Трансцендентность философии

Проведению в жизнь пятого принципа часто сопутствует метафилософская болезнь и синдром вечного поиска (подлинной) философии. Принцип беспредметности помогает мыслителю перевести взор от философских проблем на проблемы самой философии и обратиться к Главному Вопросу: «что

она такое есть?». Поскольку истинная философия должна учить видеть, думать и чистить зубы «по-другому», сама философия также должна быть чем-то «другим», «не этим». Путь к ней начинается через апофатическое отмежевание её сперва от «практического» и «материального», затем от науки, религии, искусства, вообще от всякой известной формы «духовной» деятельности. В итоге философия оказывается трансцендентной всему, вечно ускользающей и принципиально непознаваемой, что и возводится в принцип. Коль скоро достичь её не остаётся никакой возможности, но оправдать беспредметность и непрактичность чистой мысли хоть чем-то представляется необходимым, целью провозглашается сам Путь куда-то в сторону философии — вглубь и налево, к Абсолюту и Истине.

Принцип «инаковости», вместе с тем, делает возможным и иную реакцию на осознание трансцендентности философии. Коль скоро философия — это нечто «другое», то и заниматься предлагается другим — кино, например, феминизмом или мусором. Ход оказывается блестящим: от предложения взглянуть на эти феномены «по-другому» и философски, так сказать, их переосмыслить, оказывается невозможным отказаться. С этой целью создается и «иной» словарь, который на сегодняшний день уже обрел вполне устойчивые формы.

7. Новый словарь

К сожалению, приложить краткий словарь современной философии нам не позволил формат статьи, но мы успокаиваем себя тем, что он и так знаком каждому, кто так или иначе (в особенности — иначе) причастен духу современной философии, ибо пользование им составляет седьмой принцип. Метод его построения прост, как все гениальное: из самых различных областей науки и литературы, из инструкций по эксплуатации электроприборов и бытового жаргона выуживаются сочные слова, — обычно хорошие, работающие термины, не вызывающие кривотолков, — облачаются в шёлк метафоры, после чего эта их новая одёжка, по которой непривычные термины удаётся хотя бы пару раз встретить в каком-нибудь тексте, принимается за их родную рубаху. Пользоваться таким словарём оказывается одно удовольствие: с одной стороны, ты употребляешь красивые, «умные» и даже смутно знакомые слушателям слова, так что назвать тебя дураком уже никто не посмеет; с другой — туманная метафоричность употребления, предьявляемая за основной смысл этих слов, позволяет пресечь на корню саму возможность того, чтобы твою речь хоть кто-то понял. А если кто-то и осмелится это сделать, всегда можно заявить о неверной интерпретации твоих слов или отделаться от любого вопроса, поставив содержащейся в нём мысли слово-заглушку из этого же словаря. С учетом беспредметного характера современной философии, возможность говорить долго и умно, не высказывая ровным счетом ничего, бесценна сама по себе. Речь получается солидная, а тезисы — без-

укоризненными и неоспоримыми, ибо логически опровергнуть тривиальности и пустопорожность ещё не удавалось никому.

Оные термины, выражения и обороты условно могут быть классифицированы с помощью квазикантовской логики на четыре группы.

Назовем первую группу «субъектной». К ней можно отнести слова, касающиеся субъекта и его «очков», через которые он смотрит на мир. С помощью этих слов оппонента можно лишить претензий на значимость и обоснованность высказываний, внушив ему чувство непроясненности оснований суждений путем демонстрации их тотальной условности; достаточно лишь употребить: «твое личное мнение», «в рамках твоего мировоззрения», «культурная преддетерминация», «заданные места субъективности», «все классификации условны», «зависит от принятой установки», «исповедуемая тобой парадигма», «проблема оснований», «языковая обусловленность», «твоя оптика», и т.п.

Вторая группа может быть названа «объектной», и к ней отнесем слова, отсылающие к неким «объективным реалиям», «самим вещам» и миру так, что их недостижимость, неуловимость, условность и кафкость становятся очевидными, что позволяет свести речь оппонента на знакомый уровень беспредметности, лишив его возможности вообще говорить о чем-либо «реально существующем»; это: «тотальность», «разрывы», «ризома», «маргинальность», «абсурд», «ряды (желательно без указания, чего)», «откуда вы знаете, как "на самом деле"»?», «в реальности всё не так, как в действительности», «(такова) жизнь», «машина», «механизмы», «властные отношения», «сложные социальные порядки», «порядок (чего угодно, но лучше не уточнять)», «дискурс», «формация», «дискурсивные формации», «пространство (чего угодно)», «изменчивые реалии», «в условиях постмодернизма», «режим», «эмерджентность», «инстанция» и проч.

Третья группа может быть названа «акторной». К ней мы относим глаголы, обозначающие некоторые интуитивно понятные действия, осуществление которых принципиально невозможно тем «актором» (которым может оказаться что угодно), с теми предметами и в тех условиях, о которых говорится. В результате создается удивительный эффект: слушателю кажется, что описывается некоторый процесс, что что-то происходит, но что именно, как и где — он понять не может. К таким выражениям относятся приведенные выше производственные, «заводские» метафоры, а также такие фразы, как «делать ставку», «давать карт-бланш», «девальвировать (смыслы)», «приходить (в смысле "пришёл Фуко")», «умирать (про Бога, автора, мир...)», и т.д.

Наконец, четвертую группу назовем «коммуникативной». К ней мы отнесем слова и выражения, которые, помогают пресекать попытки осмысления произносимой (или уже произнесенной) речи, оправдывая и утверждая невозможность адекватного понимания говоримого и, следовательно, построения дальнейшей коммуникации. Это: «языковые игры», «семейные сходства», «разбегающиеся

смыслы», «в некотором смысле», «каким-то определённым образом», «релевантность языка», «способ говорения», «используемый словарь», «проблемы интерпретации», «гавагай» и другие.

Отдельного упоминания достойна уловка «это не я». Её очень удобно использовать, когда ваши тезисы, несмотря на их закамуфлированность вышеприведенными словами и фразами, все равно остаются слегка понятными и потому спорными. В данном случае рекомендуется самым спорным и неадекватным пунктом выступления вставить положение, вырванное из текста какого-нибудь Великого, или пусть даже его вольный перифраз — вестимо, без указания авторства и того, что это вообще цитата. Когда же ошарашенный слушатель, зацепившись за оный тезис, в недоумении спросит: «Позвольте, но с чего вы вдруг взяли, что...?», ответ «Это не я, это — Великий...», — поставит его на место и пресечет дальнейшие попытки вас атаковать — бог знает, откуда ещё вы понадергали другие свои тезисы...

Немаловажным приятным бонусом приведенного списка слов и выражений является то, что группировать их можно в любом удобном порядке, что позволяет говорить часами, почти не повторяясь. Мы предлагаем нашим читателям потренироваться на досуге в составлении из представленных слов текстов на тему видеоигр. Плоды комбинаторики присылайте нам на loginovlosmar@gmail.com — самые смелые и неожиданные продукты будут опубликованы в следующем номере или в нашем блоге (datepalmcompote.blogspot.ru). В данном же номере

примером подобного текстообразного словосочетания является «Постмодернистская теория мусора» в «Пролегоменах».

А если некоторые из приведенных выше принципов оказались вам близки; если местами вы узнавали себя или кого-то из своих знакомых; если под конец данной статьи вас начало подташнивать от перемигивания, ужимок, словоблудия и ёрничанья; и если вы ждете, когда же мы, наконец, объявим, что весь этот мусор философского дискурса пора отправить в утилизатор, а его производителей — на метан, то мы ответим, что, знаете ли, сложные социальные порядки определенным образом всё-таки детерминируют способы говорения в рамках принимаемой нами установки, выступая эмерджентной властной инстанцией, что, безусловно, девальвирует смысл предпринимаемого нами демарша, и без того работающий в изменчивых реалиях постмодернизма в режиме разбега, что само по себе в некотором смысле даёт карт-бланш на возможность интерпретации выработанной нами классификации, с учётом её тотальной условности и в какой-то степени даже маргинализированности, к чему мы попросту не в силах применить механизм избегания. В конце концов, кто станет спорить, что на самом деле в реальности все не так, как в действительности, что совы — не то, чем они кажутся, а высказывается, в итоге, лишь абсурд? И ведь такова сама жизнь!

Евгений Логинов
Андрей Мерцалов

